

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
 Нѣтъ ни пѣсни во славу любовной;
 Помню только старинныя битвы,
 Мечъ мой тяжелый, да панцирь желѣзный.
 Въ каменный панцирь я нынѣ закованъ,
 Каменный шлемъ мою голову давить,
 Нѣтъ мой отъстрѣлъ и меча заколдованъ,
 Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не править.
 Быстрое время—мой конь неизмѣнный;
 Шлема забрало—рѣшетка бойницы;
 Каменный панцирь—высокія стѣны;
 Щитъ мой—чугунныя двери темницы.
 Мчись же быстрее, легучее время!
 Душно подъ новой броней мнѣ стало!
 Смерть, какъ прідемъ, поддержи мнѣ стре-
 слѣзу и сдерну съ лица я забрало. [мя;

Договоръ.

Пускай толпа клеимтъ презрѣнемъ
 Нашъ неразгаданный союзъ;
 Пускай людскимъ предубѣжденемъ
 Ты лишена семейныхъ узъ,—
 Но передъ идолами свѣта
 Не гну колѣни я мои;
 Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
 Ни сильной злобы, ни любви;
 Какъ ты, кружусь въ веселыи шумъ,
 Не отличая никого. [номъ,
 Дѣлюсь съ умнымъ и безумнымъ,
 Живу для сердца своего.
 Земного счастья мы не цѣнимъ;
 Людей привыкли мы цѣнить;
 Себѣ мы оба не измѣнимъ,
 А намъ не могутъ измѣнить.
 Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
 Сошлись и разойдемся вновь.
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали.

Волшебные звуки.

Есть рѣчи—значенье
 Темно иль ничтожно;
 Но имъ безъ волненья
 Внимать невозможно.
 Какъ полны ихъ звуки
 Тоскою желанья,
 Въ нихъ слезы разлуки,
 Въ нихъ трепетъ свиданья...
 Ихъ краткимъ привѣтомъ,
 Едва онъ домчится,
 Какъ Божиимъ свѣтомъ
 Душа озарится.
 Средь шума мірскаго
 И гдѣ я ни буду,
 Я сердцемъ то слово
 Узнаю повсюду;
 Не кончивъ молитвы,
 На звукъ тотъ отвѣчу

И брошусь изъ битвы
 Ему я на встрѣчу
 Надежды въ нихъ дышать,
 И жизнь въ нихъ играть,
 Ихъ многие слышать,
 Одинъ понимаетъ.
 Лишь сердца родного
 Коснутся въ дни муки
 Волшебнаго слова
 Цѣлебные звуки.
 Душа ихъ съ моленьемъ,
 Какъ ангела встрѣтить,
 И долгимъ бѣнземъ
 Имъ сердце отвѣтитъ.

Защипаніе.

Наединѣ съ тобою, братъ,
 Хотѣлъ бы я побыть;
 На свѣтѣ мало, говорятъ,
 Мнѣ остается жить!
 Поѣдешь скоро ты домой:
 Смори жъ... Да что! моею судьбой,
 Сказать по правдѣ, очень
 Никто не озабоченъ.
 А если спроситъ кто-нибудь...
 Ну, кто бы ни спросилъ,—
 Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
 Я пулей раненъ былъ;
 Что умеръ честно за царя,
 Что плохи наши лекаря,
 И что родному краю
 Поклонъ я посылаю.
 Отца и мать мою едва-ль
 Застанешь ты въ живыхъ...
 Признаться, право, было бы жалъ
 Мнѣ опечалить ихъ;
 Но если кто изъ нихъ и живъ,
 Скажи, что я писать лѣнивъ,
 Что полкъ въ походъ послали,
 И чтобъ меня не ждали.
 — Сосѣдка есть у нихъ одна...
 Какъ вспомнишь, какъ давно кто
 Разстались... Обо мнѣ она
 Не спроситъ... Все равно,
 Ты Расскажи всю правду ей,
 Пустого сердца не жалѣй,
 Пускай она поплачетъ...
 Ей ничего не значитъ!
 Видь горъ изъ стѣнъ Козлова,
 [изъ «крымскихъ сонетовъ» мишкевича.]
 пилигримъ.
 Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
 Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
 Притоны ангеламъ своимъ;
 Иль Дивы, словомъ роковымъ,
 Стѣной умѣли такъ высоко
 Громады скалъ нагромоздить,
 Чтобъ путь на сѣверъ заградить